

От голода жители спасались как могли. Даже площадь у Исаакия превратили в огород.

Борис КУДЯРОВ/РИА Новости

Возле Стрелки изможденные женщины копали окопы на случай прорыва врага.

Дарья ТРАХТЕНБЕРГ/РИА Новости

«В БУКВАЛЬНОМ СМЫСЛЕ ЕЛИ ЗЕМЛЮ...»

«Умирали сначала мужчины, потому что мужчины мускулистые и у них мало жира. У женщин, маленьких даже, жировой подкладки больше. Но и женщины тоже умирали, хотя они все-таки были более стойкими. Люди превращались в каких-то, знаете ли, стариков, потому что уничтожался жировой слой, и значит, все мышцы были видны и сосуды тоже. И все такие дряблые-дряблые были...»

«Надо понять слово «работали» в его тогдашнем значении. Каждое движение происходило замедленно. Медленно поднимались руки, медленно шевелились пальцы. Понимаете ли? Вот такое ощущение, когда на какую-то ступеньку надо ногу поставить, а она ватная. Так во

сне бывает: ты вроде готов побежать, а у тебя ноги не бегут. Или ты хочешь кричать - нет голоса...»

«В перечне блокадной еды всякое можно найти - конопляные зерна от птичьего корма, и самих канареек, и дроздов, и попугаев. Съели всех кошек, съели всех собак, какие были. Собирали мучной клей от обоев, извлекали его из переплетов, вываривали приводные ремни. Потребляли всякого рода технические масла, олифу, лекарства, специи, вазелин, глицерин, всевозможные отходы растительного сырья. Список этот длинный, удивительный по своей изобретательности, даже по изощренности, с какой испытывалось на съедобность все окружающее. И даже в буквальном смысле землю ели...»

«Муж упал на улице, но первое чувство жены было не сожаление, что умер, а испуг - как я его, мертвого, буду тащить, как доведу?..»

«Когда умирал человек, и ты к нему подходил, он ничего не просил. Он только тебе говорил: дай крошечку хлеба! И умирал. Массовый голод - это тихие смерти: сидел и незаметно уснул, шел - остановился, присел...»

«На проспекте Энгельса везет старик полные дровни трупов, слегка покрытых рогожей. А сзади старушонка еле идет: «Подожди, милый, посади». Остановился: «Ты, что, старая, не видишь, какую кладь везу?» - «Видю, вижу, вот мне и по пути. Вчера я потеряла карточки, все равно помирать, так чтоб мои-то домашние не мыкались со мной, доведи меня до кладбища, посижу на пеньке, замерзну, а там и зарюют...» Был у меня в кармане кусочек хлеба, я ей отдал...»

«Я мысленно хотела, чтобы смерть пришла вместе с детьми, так как боялась, если, например, меня убьют на улице, дети будут дико плакать, звать: «Мама, мама», - а потом умрут от голода. Ниночка моя все время плакала, долго, протяжно, и никак не могла уснуть. Этот плач, как стон, сводил меня с ума. Я тогда, чтобы она могла уснуть, давала сосать ей свою

Борис КУДЯРОВ/РИА Новости

Аэростаты мешали немецким бомбардировщикам, каждый день утюжившим Северную столицу, наносить точные удары по важнейшим объектам.

кровь. В грудях молока давно не было, да и грудей совсем уже не было, все куда-то делось. Поэтому я прокалывала иглой руку повыше локтя и прикладывала дочку к этому месту...»

«К нам в детский стационар привезли девочку. Ее привезли уже умирающую. Она была старше меня и говорит мне: «Съешь, пожалуйста, мой хлеб, я не доживу до завтра». Лежит она рядом со мной. Койки стояли очень близко, чтобы побольше можно было впихнуть. Помню, как я всю ночь не могла спать, потому что думала: взять хлеб или не взять? Страшная борьба с собой: чужое же! Так я не взяла. А девочка действительно умерла, и этот кусок остался у нее под подушкой...»

«Помню, нам доложили, что на Тракторной улице снаряд не разорвался в квартире. Пи-

ротехник поехал туда. Зашел в комнату. Лежит женщина на полу, обняла снаряд, закутала в шаль (он теплый еще) и не отдает его. Стали выяснять, в чем дело. Оказывается, у нее грудной ребенок был. От страха, в панике родственница схватила его и унесла. А мать осталась. Увидела этот снаряд и решила, что это ребенок. Она была уже в ненормальном состоянии...»

«Видела на рынке девочку лет девяти в огромных дырявых валенках. Она меняла кусок подозрительного студня - вероятно, собачьего, - на 100 граммов хлеба. У нее были смертельно усталые глаза, полуприкрытые тяжелыми веками, согнутая спина, медленная, шаркающая походка, морщинистое, с опущенными уголками рта лицо. Лицо усталой пожилой женщины. Разве можно это забыть когда-нибудь? Разве можно это простить?..»

ПОСЛЕ ЗАПРЕТА - В ЗОЛОТОЙ ФОНД

ПАРТИЙНОЕ ТАБУ

Официозные историки набросились на авторов, обвиняя их в том, что в книге они показывают не столько мужество и героизм, сколько смакуют ужасы блокады. Для партийного руководства города авторы стали своего рода персонами нон-грата. У читателей книга имела громадный успех. Ею зачитывались, передавая из рук в руки. За несколько лет она трижды переиздавалась. Но ни в одной из ленинградских газет не появилось ни одной рецензии. Табу наложил обком партии.

Сегодня, к счастью, времена другие. «Блокадная книга» включена в золотой фонд литературы о войне. Ее спокойно можно купить в любом книжном магазине. Или заказать по интернету с доставкой на дом. Листая ее страницы, вспомните еще раз, как она создавалась белорусско-российским творческим тандемом классиков. И через какие тернии пробивалась к читателям, чтобы рассказать им правду - горькую, страшную, местами даже стыдливую. И о цене Победы.

В день получали 125 грамм хлеба. Такой скудной пайки и ребенку не хватит, не то что взрослому мужчине, но выхода не было.

Sovfoto/Universal Images Group/EAST NEWS